

УДК 342.2

Возможности становления современного российского федерализма на основании международного опыта

Ковалева Маргарита Шагеновна

Аспирант,
кафедра государственного и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, просп. Средний, 57/43;
e-mail: xxxmargo1992@mail.ru

Аннотация

Становление федерализма в России можно проследить с Древней Руси. Учет опыта европейских стран и США позволит выработать перспективные направления реформирования формы государственного устройства наиболее успешно. Цель данной статьи – за счет применения сравнительно-правового метода определить возможные пути корректировки федерализма в Российской Федерации. Исходя из особенностей федерализма в России, можно выделить ряд задач, решение которых необходимо для развития страны: сокращение общего количества субъектов; создание сравнительно симметричных, однородных и равных по населению, территории и валовому региональному продукту субъектов в процессе объединения существующих территориальных образований; ликвидация разнотипности и сложноподчиненности субъектов; наделение образованных субъектов федерации большей самостоятельностью и обеспечение преимущественно децентрализованного управления государством; отказ от национально-территориального принципа федерализма. От успешного решения проблем российского федерализма в большой мере зависят территориальная целостность страны, социально-политическая стабильность, судьбы социально-экономических реформ, гармонизация региональных и межэтнических отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковалева М.Ш. Возможности становления современного российского федерализма на основании международного опыта // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 3А. С. 63-73.

Ключевые слова

Федерализм, федеративные отношения, модель федеративных отношений, этнос, национальные традиции.

Введение

Федерализм – это форма государственного устройства, характеризующаяся полуавтономными субъектами, функционирующими в режиме с общим центральным правительством; государственная власть при этом распределена между различными уровнями управления [Шайхеев, 2015, 6]. Как система она состоит из множества взаимодействующих управляющих единиц, каждая из которых имеет свои особенности. Многочисленные связи, возникающие в федеративном устройстве, определяют его преимущества, такие как улучшенная оборона и более устойчивая к колебаниям экономика.

В рамках исследования учитывается, что выводы, сделанные в рамках анализа одной территории, не могут быть просто применены к другой. Национальная и этническая политика чрезвычайно сложна, и у каждого конфликта есть своя история, свои проблемы, свои противоборствующие стороны. Вместо того чтобы пересматривать политику и институты, необходимо сделать выводы о результатах конкретных действий в определенный момент: так мы сможем лучше понять логику институтов, их масштабы и ограничения. Только тогда международный опыт может быть учтен для конкретного случая. Основное внимание в данной работе уделяется национально разделенным обществам. Такие общества содержат отдельные этнические группы или национальности, которые стремятся к самоуправлению.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и специальных методов познания государственно-правовой и общественной действительности, выработанных современной наукой. Важнейшим методом явился метод «единого сходства», примененный для выявления общих частей в различных государствах. Применялись методы формально-логического, формально-юридического и функционального анализа, сравнительно-правовой метод. Рассмотрение федеративного устройства в рамках международного опыта с помощью историко-типологического метода и сравнительно-исторического метода позволило определить отличительные особенности, присущие каждому из них.

Истоки возникновения федерализма

Трансформация идей федерализма прошла длительный процесс. Зачатки данного явления можно проследить с античности. Многие древнегреческие философы (например, Платон и Аристотель) видели процесс построения совершенного государства на основе объединения нескольких субъектов [Коломейцева, Куцури, 2015, 62].

Древнегреческие города-полисы можно считать одним из первых прообразов федеративного устройства. Следующим важным этапом становятся первые союзы – Швейцарский (1291 г.), Рейнский (1254 г.), Швабский и Ганзейский [Клисторин, 2015, 81].

Основы существующего государственного устройства Европы были заложены в начале XVI в. Ранняя эволюция государственного устройства на данной территории может быть объяснена постепенным распадом феодальной системы и ростом числа войн [Юсубов, 2015, 7]. Действительно, существует множество исторических и философских свидетельств, которые истолковывают раннее государство как военную машину, движимую фундаментальными императивами власти и желанием территориального расширения. Подъем современного государства в Европе эпохи Возрождения в XVI – начале XVII в. сопровождался появлением

суверенитета как концептуального инструмента организации власти в государстве [Lee, 2015, 149]. Таким образом, современное государство является историческим явлением, но аналитически оно также представляет собой отдельный политический институт, разработанный обществом, особый способ организации политической власти. В ходе этого исследования мы установим две совершенно разные традиции федерализма, а именно «континентально-европейскую» и «англо-американскую», и рассмотрим ключевое различие между внутригосударственным и межгосударственным федерализмом [Luelfesmann, Kessler, Myers, 2015, 24].

В ходе своей эволюции государство стало рассматриваться как «общественная» власть, в то время как общество приравнивалось к «индивидуальной» деятельности. В XVII-XVIII вв. происходили постепенное развитие и консолидация современного территориального государства как единственного законного источника общественного порядка и политической власти. Государство было «суверенным» в том смысле, что оно не допускало соперничества на своей территории [Сенякин, 2006, 34].

По словам Вебера, внутреннее лицо суверенитета понималось как источник правовых санкций, регулирующих использование физического принуждения, в то время как внешнее лицо суверенитета – международные отношения, где субъекты не признавали никакой власти выше своей собственной, за исключением договорных обязательств, которые они всегда могли отменить. Ввиду отсутствия какой-либо всеобъемлющей международной власти, которая могла бы контролировать поведение государств и проводить арбитраж между ними в случаях конфликтов, существовала скрытая «анархия» международных отношений [Мухортов, 2010, 62].

В этом смысле Ф.Х. Хинсли назвал историю государства и суверенитета неразрывно связанными. Происхождение и история суверенитета тесно связаны с происхождением, природой и историей современного государства.

Теоретические изыскания на Руси коснулись вопросов федерализма лишь в XVII в. в труде Юрия Крижанича «Политика». По его мнению, вся история земли русской до образования единого государства Русь с единой столицей есть история зарождения федерализма. Уделам необходимо было осуществлять неустанное взаимодействие для того, чтобы эффективно функционировать, при этом можно выделить равноправие народностей как основу эффективного функционирования строя. А.С. Яценко также подчеркивал обособленность княжеских уделов. В работах Радищева подчеркивается важность демократии. Зачатки он видит в собраниях вече. В виде идеального государства он представлял республику. Рассматривая эпоху Российской империи, нужно отметить, что ее нельзя отнести к централизованному типу. В первую очередь это связано с обособлением отдельных территорий, наделенных особым статусом (например, Польша, Бухарский эмират, церковные земли).

Однако тех мер, что предприняли в царской России, было явно недостаточно, чтобы управлять многонациональным народом, имеющим большое количество этнических и социальных проблем. М. Муравьев подчеркивал, что за счет создания разумного федеративного деления можно повысить самостоятельность малочисленных групп.

Федерализм в международном контексте

Федералистские методы принятия решений наиболее подходят для мира, в котором все взаимосвязано и взаимозависимо, именно поэтому мировое сообщество в настоящее время порождает и поощряет федеративные практики и институты. При этом в разных частях земного

шара федерализм выполняет различные задачи. В развивающихся, а зачастую и в бывших коммунистических странах его используют в первую очередь для решения национального вопроса, тогда как в постиндустриальном мире основное значение приобретает региональная политика.

В современной Бельгии присутствуют две проблемы: языковой конфликт между носителями голландского и французского языков и региональный экономический конфликт между территориями Фландрии и Валлонии. Исторически сложилась практика консоциализма, когда языковые группы разделяли власть [Bednar, Ferejohn, Garrett, 1996, 285]. За прошедшие годы это превратилось в федеративную систему, которая пытается разрешить как языковые, так и региональные экономические конфликты, при этом сохраняются сильные элементы социализма. Есть три территориальных региона – Фландрия, Валлония и Брюссель – и три языковых сообщества – фламандское (голландское), французское и немецкое [Чиркин, 2010, 33]. Иногда считается, что языковые сообщества представляют собой нетерриториальную форму автономии. Действительно, в системе наблюдаются сильные тенденции к территориализации. Во Фландрии учреждения объединились, многие французские общественные услуги предоставляются через регионы Валлонии и Брюсселя [Там же, 35]. Границы жестко очерчены и не подлежат изменению, при этом соответствующие группы населения должны адаптироваться. В табл. 1 проанализировано отсутствие взаимосвязи между языковым сообществом и региональным делением [Hatfield, 2015, 119].

Таблица 1 – Распределение социально-экономических показателей в Бельгии в 2015 г.

Бельгия			
Сообщества	Немцы	Французы	Фламандцы
Регионы	Валлония	Брюссель	Фландрия
Население региона (в миллионах)	3,3	1,0	5,8
Региональный ВВП на душу населения (PPS), EU25 = 100	84,6	237,1	115,4

В принципе, бельгийская конституция определяет лишь общие вопросы, передавая основную власть в регионы. На федеральном уровне решаются такие вопросы, как строительство объектов инфраструктуры, правопорядок и правосудие [Bednar, Ferejohn, Garrett, 1996, 284].

Одна из целей федерализации состояла в том, чтобы разделить уровни расходов, поскольку предыдущая система, в которой расходы в одном регионе всегда должны были совпадать в другом, была высокоинфляционной и неэффективной.

На бельгийский федерализм сильно повлияла европейская интеграция. С одной стороны, общеевропейские рамки способствовали передаче власти регионам и снизили потребность в общегосударственных рамках. С другой стороны, необходимость согласовать общую для всей Бельгии точку зрения на европейских переговорах является причиной для сплоченности народа. Это еще более усложняет ситуацию и делает систему менее понятной для гражданина.

Швейцарию часто воспринимают как модель культурно разделенных обществ, потому что федеральная система возникла вследствие гражданской войны 1848 г. и с того времени она демонстрирует стабильность и демократический консенсус [Идрисов, Сомоев, 2016, 88]. Причиной разделения территории в большей степени являлась религия. С тех пор федеральная система приспособилась к ряду других социальных и политических разногласий, например

разделению между центром и периферией, между сельскими и городскими районами. Исключением являются 26 кантонов (областей), границы которых очень трудно изменить. Система являлась формально симметричной: у каждого кантона были одинаковые полномочия и статус. Однако различия в численности населения и богатстве означают, что на практике их значение было различным [Фарукшин, 2005, 86].

В настоящее время Швейцария высокодецентрализована. Определены полномочия федерального уровня, и все остаточные полномочия принадлежат кантонам. Для кантонов также естественно применять федеральные законы. Система социального обеспечения является основой для централизации, хотя ее применяют в основном на муниципальном уровне [Там же, 83]. Кантоны имеют полный контроль над муниципальным уровнем. Референдумы широко используются на кантональном и местном уровнях наряду с другими инструментами прямой демократии.

Таблица 2 – Распределение социально-экономических показателей по кантонам в Швейцарии в 2016 г.

Кантоны	Численность (тысячи)	ВВП на душу населения (тысячи швейцарских франков)
Цюрих	1181	61,1
Берн	900	42,3
Люцерн	300	41,8
Ури	35	45,3
Швиц	125	50,9
Обвальден	31	36,4
Нидвальден	37	57,7
Гларус	38	53,0
Цуг	95	77,4
Фрибург	229	38,6
Золотурн	241	44,1
Базель-Штадт	193	72,2
Базель-Ланд	255	51,1
Шаффхаузен	74	50,6
Аппенцелль-Аусерроден	54	43,9
Аппенцелль-Иннерроден	15	41,8
Санкт-Галлен	443	45,5
Граубюнден	185	43,3
Аргау	534	48,3
Тургау	225	43,1
Тичино	305	37,2
Во	608	48,5
Вале	273	36,8
Невшатель	165	42,3
Женева	396	52,0
Юра	69	36,0

Отличительной чертой швейцарской системы является роль кантонов в национальной политике. Вторая палата Федерального законодательного органа и Совет штатов состоят из двух членов от кантона и имеют равные полномочия с народно избранной палатой. Хотя метод

выбора их членов зависит от кантонов, все они сейчас избираются прямым голосованием, в результате чего палаты на практике разделены по партийным линиям.

Федеральные правительства представляют партии в парламенте пропорционально. Для поддержания баланса между языковыми сообществами и кантонами политика обсуждается [Masson, 2012, 19]. Сами партии децентрализованы и играют роль посредников между кантональными и национальными политиками. Пропорциональность среди языковых групп также наблюдается в федеральной бюрократии, армии и других государственных учреждениях.

Федеральная культура Швейцарии отмечена договоренностями и постоянными объединениями. Восемь кантонов имеют право настаивать на референдуме о национальном законодательстве или об отзыве парламента. Эта глубоко укоренившаяся практика не является результатом постепенного национального строительства. Напротив, это продукт гражданской войны 1848 г. и глубоких разногласий, которые остались с того времени. Скорее консociальная практика отражает необходимость сохранения разделенной страны, особенно перед лицом угроз извне [Foremny, 2014, 92]. Эти конкретные условия означают, что система не может легко экспортироваться. Существуют большие различия в богатстве и фискальном потенциале кантонов.

Как известно, США были колонизированы британскими подданными в 1607 г. (Джеймстаун был первой колонией) для расширения Британской империи [Кадров, 2016, 352]. Были и другие европейские страны, которые также поселились в Америке. Со временем все больше и больше людей отправлялись в Америку, чтобы увидеть новый мир и вырваться из Британии.

Было 13 американских колоний: Джорджия, Массачусетс, Делавэр, Пенсильвания, Мэриленд, Нью-Гемпшир, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Род-Айленд, Южная Каролина, Северная Каролина, Вирджиния и Коннектикут. Все эти колонии имели разные стили и системы управления, но основа была почти одинаковой: ими управлял губернатор, который был назначен Английским правительством [Johnson, 2005, 17].

Со временем население в Америке выросло, и многие районы фактически стали богаче, чем некоторые города в Англии. Проблемы начались, когда Великобритания начала взимать налоги с колоний. Отношения стали обостряться, и в итоге американцы начали революцию, чтобы обрести независимость от англичан [Кадров, 2016, 354].

В 1775 г. в Конкорде (штат Массачусетс) началась американская революция. США выиграли Войну за независимость и теперь должны были создать новые правила для совершенно новой страны. До рождения Конституции основным документом США были Статьи Конфедерации [Ardanaz, Leiras, Tommasi, 2014, 37]. Опасаясь повторного правления тирана, Статьи наделяли отдельные штаты большой властью, а федеральное правительство практически не имело власти над штатами. Не было центрального руководящего органа [Утенков, 2011, 83]. Конечно, был однопалатный конгресс, представители которого были назначены их государством, но он не имел реальной власти над колониями.

Таким образом, возникла необходимость полного пересмотра статей Конфедерации. Так, в 1787 г. группа представителей начала ратифицировать Статьи Конфедерации и подготовила проект Конституции США. Были сформированы три ветви власти: исполнительная, законодательная и судебная. За разработку законодательной базы отвечает законодательная ветвь, исполнительная следит за ее реализацией, а судебная власть гарантирует, что эти законы являются конституционными. Для привлечения людей к участию в процессе ратификации Конституции были написаны «Федералистские документы», в которых был объяснен баланс сил между федеральным правительством и правительствами отдельных штатов. Федерализм в

контексте Соединенных Штатов – это разделение власти между федеральным правительством и правительствами штатов. В настоящее время существует модифицированная форма федерализма. Конгресс состоит из представителей государства [Johnson, 2005, 17]. Президент отвечает не перед конкретным государством, а перед союзом в целом. Правительства штатов создают свои собственные правила и законы, которые применяются к конкретному штату, а не к нации в целом. Однако законы должны согласовываться с федеральным законом, поскольку федеральный закон отменяет любые законы штата. Примером этого является проблема однополых браков. Верховный суд постановил федеральный закон о том, что свидетельства о браке должны быть признаны в каждом штате по всей стране, поэтому штаты больше не могут не признавать чей-либо брак.

Возможности применения международного опыта в российской действительности

На протяжении всей истории мультинациональной России народы и территории объединялись на основании договоренности. Это касалось не только присоединения земель, но и принципов управления. Конкретно идея федерации как форма устройства государства возникла в России в начале XIX в. [Данько, 2015, 24]. Этнический принцип стал основой построения федеративности. Он дополнялся территориальным принципом. Можно сказать, что после 1918 г. сложилась больше федерация народов, чем федерация государственных образований. Заявление в 1918 г. о том, что Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из национальных советских республик, по сути, никогда не было полностью реализовано [Дугина, Ваннова, 2015, 59]. Конечно, вместе с республиками образовывались и национально-территориальные единицы, однако ряд образовавшихся республик были исторически-территориальными образованиями, а не этническими. Более 30 лет не было ответа на вопрос о том, какие автономные образования считать субъектами РСФСР. И только федеративный договор 1992 г. утвердил для всех административно-территориальных единиц статус субъектов РФ [Алиев, Кондрашев, 2016, 83]. Принцип формирования некоторых субъектов РФ по национальному признаку сохраняется по сей день. Подтверждение этому – положения Конституции РФ (1993 г.) [Меньшикова, 2011, 18]. Но по определенным причинам она не смогла преодолеть последствия «социалистического федерализма». Отчасти из-за этого политика «бюджетного сепаратизма» перешла в форму договорных отношений. Это стало началом третьего этапа этнополитической дезинтеграции страны. За три года было заключено 27 договоров [Бухвальд, Валентик, 2015, 34]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Россия развивалась не в соответствии с общемировыми тенденциями.

Власть федерального центра в современной России и в настоящие дни сильно превышает свои полномочия относительно властей регионов. Основная проблема процесса децентрализации в России заключается в том, что в этом процессе распределение полномочий чаще происходит сверху вниз, а не наоборот. В этом случае стоит обратить внимание на опыт ФРГ или Австрии, в которых конституции дают право местным субъектам власти использовать государственные функции во многих сферах жизни населения этих стран.

Рассмотрев проявление федерализма в нескольких странах, обратимся к сравнительному аспекту. Сравнительно-правовой метод не только определяет общие закономерности развития государств, но и показывает их проявление в определенных ситуациях отдельных обществ, ограниченных территориально.

Российский федерализм, наряду с бельгийским и швейцарским, является ассиметричным. Ассиметричный федерализм – это федеративное государство, в котором не все составные государства имеют одинаковую автономию. Иными словами, разделение властей является ассиметричным. Так, в России 83 субъекта с различными уровнями власти. Федерализм в Бельгии называют ассиметричным из-за наличия трех признанных языков, а в Швейцарии – четырех языков.

Опыт бельгийского федерализма вряд ли можно применить в российских условиях прежде всего ввиду несопоставимости размеров и населения России и Бельгии, количества и характера субъектов федерации, а также различия политической культуры и менталитета населения этих стран.

Что отличает российский федерализм от швейцарского? Несомненно, то, что российский создавался директивным путем, а швейцарский появился благодаря объединению изначально самостоятельных образований в федеративный союз. В связи с этим применение опыта Швейцарии в России тоже не представляется возможным.

Перейдем к сравнению России и США. Ни в одной из этих стран принципы федерализма не зафиксированы в виде установленных формулировок. Несмотря на то, что Конституцию РФ и Конституцию США разрабатывали и принимали в разные исторические периоды, в данном аспекте наблюдается сходство. Кроме того, федерализм в обеих странах считается одним из фундаментальных начал государственности. Обе страны являются многонациональными. Но в выбранных для сравнения странах данный принцип различно отразился в федеративном строительстве. Если в России национальный фактор является одним из основополагающих в построении федеративной государственности, то в США, напротив, этнический принцип почти не учитывается в строительстве федерализма. Эти различия вытекают из разных исторических судеб государств.

Говоря о перспективах федерализма непосредственно в Российской Федерации, многие ученые сходятся в том, что в любом случае через какое-то время структура страны претерпит корректировки. По их мнению, существует два варианта развития событий – «губернизация» республик либо «республиканизация» областей и краев. Первый вариант предполагает, что национальные субъекты страны, в том числе области и края, объединятся по общему регионально-экономическому и природно-историческому принципу. Появится полиэтничное государство, где национальность будет рассматриваться исключительно с гражданской позиции. В случае второго варианта субъекты страны, где основным населением являются русские, образуют одну или даже несколько собственных республик. Такой вариант нельзя назвать удачным, так как впоследствии может возникнуть вопрос о создании унитарного государства, а это, скорее всего, приведет к развалу федерации.

Заключение

Исходя из вышеизложенных особенностей федерализма в России, можно выделить ряд задач, решение которых необходимо для развития страны:

- 1) сократить общее количество субъектов;
- 2) в процессе объединения существующих территориальных образований создать сравнительно симметричные, однородные и равные по населению, территории и валовому региональному продукту (при сохранении правового равноправия) субъекты;
- 3) ликвидировать разнотипность и сложноподчиненность субъектов;

- 4) наделить образованные субъекты федерации большей самостоятельностью, перейдя при этом от назначения к выборам глав субъектов, и обеспечить преимущественно децентрализованное управление государством;
- 5) главное – отойти от национально-территориального принципа федерализма, для чего объединить национальные республики с другими федеративными образованиями с созданием культурно-этнической автономии для всех народов и этносов страны.

От успешного решения проблем российского федерализма в большой мере зависят территориальная целостность страны, социально-политическая стабильность, судьбы социально-экономических реформ, гармонизация региональных и межэтнических отношений.

Библиография

1. Алиев З.М., Кондрашев А.А. Генезис российского федерализма и его современные проблемы // Инновационные тенденции развития российской науки. 2016. № 5. С. 83-85.
2. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Федерализм в России: от всплывающего лозунга к долговременной стратегии развития // Регион: экономика и социология. 2015. № 4. С. 24-45.
3. Данько А.А. Коллизионный федерализм в России: проблемы симметрии и асимметрии // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 22-26.
4. Идрисов Ш.А., Сомоев Р.Г. На пути к бюджетному федерализму: российский и мировой опыт функционирования // American scientific journal. 2016. № 2-1. С. 86-90.
5. Кадров А.А. О федерализме в США // Евразийский научный журнал. 2016. № 2. С. 352-354.
6. Клисторин В.И. Федерализм и демократия. От идеи до воплощения // ЭКО. 2015. № 11. С. 77-85.
7. Коломейцева Т.А., Куцури И.А. К вопросу о проблемах федерализма в России // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 8. С. 59-69.
8. Меньшикова И.В. Основные модели федерализма и федерализм в России // Мир юридической науки. 2011. № 6. С. 15-20.
9. Мухортов В.В. Глобальный федерализм: вопросы суверенитета // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 60-63.
10. Сенякин И.Н. Российский федерализм: проблемы и тенденции развития // Правовая культура. 2006. № 1. С. 31-42.
11. Утенков Г.Н. Федерализм: политические идеологии и политические практики // Власть. 2011. № 1. С. 81-84.
12. Фарукшин А.М. Швейцарский федерализм и защита прав меньшинств // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. № 1. С. 81-87.
13. Чиркин В.Е. Федерализм на евразийском пространстве: общее и особенное // Российское правосудие. 2010. № 8. С. 31-41.
14. Шайхеев Т.И. Российский федерализм: особенности конституционной модели и проблемы ее практической реализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 3-8.
15. Юсубов Э.С. Присоединение Крыма и дискурс о российском федерализме // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 5-8.
16. Ardanaz M., Leiras M., Tommasi M. The politics of federalism in Argentina and its implications for governance and accountability // World development. 2014. Vol. 53. P. 26-45.
17. Bednar J., Ferejohn J., Garrett G. The politics of European federalism // International review of law and economics. 1996. Vol. 16. No. 3. P. 279-294.
18. Dyrina E.N., Bannova K.A. Improvement in implementation of fiscal policy of Russia // Procedia – social and behavioral sciences. 2015. Vol. 166. P. 58-61.
19. Foremny D. Sub-national deficits in European countries: the impact of fiscal rules and tax autonomy // European journal of political economy. 2014. Vol. 34. P. 86-110.
20. Hatfield J.W. Federalism, taxation, and economic growth // Journal of urban economics. 2015. Vol. 87. P. 114-125.
21. Johnson B. Federalism: local, state, federal, and international data sources // Encyclopedia of social measurement. New York: Elsevier, 2005. P. 15-18.
22. Lee K. Federalism, guns, and jurisdictional gun policies // Regional science and urban economics. 2015. Vol. 52. P. 141-153.
23. Luelfesmann C., Kessler A., Myers G.M. The architecture of federations: constitutions, bargaining, and moral hazard // Journal of public economics. 2015. Vol. 124. P. 18-29.
24. Masson P.R. Fiscal asymmetries and the survival of the euro zone // International economics. 2012. Vol. 129. P. 5-29.

The formation of modern Russian federalism on the basis of international experience

Margarita Sh. Kovaleva

Postgraduate,
Department of state and municipal administration,
North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43, Sredny av., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: xxxmargo1992@mail.ru

Abstract

The article deals with possible uses of international experience in the formation of modern Russian federalism. The formation of federalism in Russia can be traced back to Ancient Rus. Taking into account the experience of European countries and the USA will help to develop promising areas of reform of the form of government most successfully. The article aims to determine possible ways to adjust federalism in the Russian Federation through the use of the comparative legal method. The author of the article studies the characteristic features of federalism in Russia and points out that it is possible to identify a number of tasks that must be solved for the development of the country: decreasing the total number of constituent entities; creating constituent entities that are relatively symmetrical, homogeneous and equal in population, area and gross regional product; eliminating the variety of types of constituent entities; giving the constituent entities of the Russian Federation more autonomy and ensuring administrative decentralisation; rejecting the national-territorial principle of federalism. The article concludes that the territorial integrity of the country, its sociopolitical stability, the fate of socioeconomic reforms and the harmonisation of regional and interethnic relations largely depend on a successful solution to the problems of Russian federalism.

For citation

Kovaleva M.Sh. (2019) Vozmozhnosti stanovleniya sovremennogo rossiiskogo federalizma na osnovanii mezhdunarodnogo opyta [The formation of modern Russian federalism on the basis of international experience]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (3A), pp. 63-73.

Keywords

Federalism, federative relations, model of federative relations, ethnos, national traditions.

References

1. Aliev Z.M., Kondrashev A.A. (2016) Genezis rossiiskogo federalizma i ego sovremennyye problemy [The genesis of Russian federalism and its modern problems]. *Innovatsionnye tendentsii razvitiya rossiiskoi nauki* [Innovative trends in the development of Russian science], 5, pp. 83-85.
2. Ardanaz M., Leiras M., Tommasi M. (2014) The politics of federalism in Argentina and its implications for governance and accountability. *World development*, 53, pp. 26-45.
3. Bednar J., Ferejohn J., Garrett G. (1996) The politics of European federalism. *International review of law and economics*, 16 (3), pp. 279-294.

4. Bukhval'd E.M., Valentik O.N. (2015) Federalizm v Rossii: ot vsplyvayushchego lozunga k dolgovremennoi strategii razvitiya [Federalism in Russia: from a pop-up slogan to a long-term development strategy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economics and sociology], 4, pp. 24-45.
5. Chirkin V.E. (2010) Federalizm na evraziiskom prostranstve: obshchee i osobennoe [Federalism in the Eurasian space: the general and the particular]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian justice], 8, pp. 31-41.
6. Dan'ko A.A. (2015) Kollizionnyi federalizm v Rossii: problemy simmetrii i asimmetrii [Conflict federalism in Russia: the problems of symmetry and asymmetry]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 10, pp. 22-26.
7. Dyrina E.N., Bannova K.A. (2015) Improvement in implementation of fiscal policy of Russia. *Procedia – social and behavioral sciences*, 166, pp. 58-61.
8. Farukshin A.M. (2005) Shveitsarskii federalizm i zashchita prav men'shinstv [Swiss federalism and the protection of minority rights]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Kazan State University. Series: Humanities], 147 (1), pp. 81-87.
9. Foremny D. (2014) Sub-national deficits in European countries: the impact of fiscal rules and tax autonomy. *European journal of political economy*, 34, pp. 86-110.
10. Hatfield J.W. (2015) Federalism, taxation, and economic growth. *Journal of urban economics*, 87, pp. 114-125.
11. Idrisov Sh.A., Somoev R.G. (2016) Na puti k byudzhethnomu federalizmu: rossiiskii i mirovoi opyt funktsionirovaniya [On the way to budgetary federalism: Russian and global experience]. *American scientific journal*, 2-1, pp. 86-90.
12. Johnson B. (2005) Federalism: local, state, federal, and international data sources. In: *Encyclopedia of social measurement*. New York: Elsevier, pp. 15-18.
13. Kadrov A.A. (2016) O federalizme v SShA [On federalism in the USA]. *Evraziiskii nauchnyi zhurnal* [Eurasian scientific journal], 2, pp. 352-354.
14. Klistorin V.I. (2015) Federalizm i demokratiya. Ot idei do voploshcheniya [Federalism and democracy. From the idea to implementation]. *EKO* [ECO], 11, pp. 77-85.
15. Kolomeitseva T.A., Kutsuri I.A. (2015) K voprosu o problemakh federalizma v Rossii [On the problems of federalism in Russia]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki* [Theoretical and applied aspects of modern science], 8, pp. 59-69.
16. Lee K. (2015) Federalism, guns, and jurisdictional gun policies. *Regional science and urban economics*, 52, pp. 141-153.
17. Luelfesmann C., Kessler A., Myers G.M. (2015) The architecture of federations: constitutions, bargaining, and moral hazard. *Journal of public economics*, 124, pp. 18-29.
18. Masson P.R. (2012) Fiscal asymmetries and the survival of the euro zone. *International economics*, 129, pp. 5-29.
19. Men'shikova I.V. (2011) Osnovnye modeli federalizma i federalizm v Rossii [The main models of federalism and federalism in Russia]. *Mir yuridicheskoi nauki* [The world of legal science], 6, pp. 15-20.
20. Mukhortov V.V. (2010) Global'nyi federalizm: voprosy suvereniteta [Global federalism: the issues of sovereignty]. *Evraziiskii nauchnyi zhurnal* [Eurasian scientific journal], 12, pp. 60-63.
21. Senyakin I.N. (2006) Rossiiskii federalizm: problemy i tendentsii razvitiya [Russian federalism: problems and development trends]. *Pravovaya kul'tura* [Legal culture], 1, pp. 31-42.
22. Shaikheev T.I. (2015) Rossiiskii federalizm: osobennosti konstitutsionnoi modeli i problemy ee prakticheskoi realizatsii [Russian federalism: the features of the constitutional model and the problems of its practical implementation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 6, pp. 3-8.
23. Utenkov G.N. (2011) Federalizm: politicheskie ideologii i politicheskie praktiki [Federalism: political ideologies and political practices]. *Vlast'* [Power], 1, pp. 81-84.
24. Yusubov E.S. (2015) Prisoedinenie Kryma i diskurs o rossiiskom federalizme [The annexation of Crimea and the discourse of Russian federalism]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 3, pp. 5-8.